

— Я любил одного мужчину. Он многих обманул, натворил дел. Я не знал, что он такой, думал, ко мне будет хорош. Люди вокруг то уговаривали, то охлаждали: где это видано, чтобы наследник богатой семьи сошёлся с официантом, это же не сериал. Я тоже не верил, а в итоге поплатился — ещё и в тюрьму угодил. На самом деле он ко всем относился одинаково, просто меня было легче обмануть.

Чжэн Кэ удивился:

— То есть ты сел из-за него?

— Можно сказать. Если бы не А-Ли, мне пришлось бы отсидеть пятнадцать лет. Пятнадцать лет... Вышел бы — и человек уже конченный.

— А потом искал его?

— Наводил справки. Говорили, из-за огромных долгов по процентам за ним охотились, хотел сбежать за границу. Не знаю, получилось ли. В общем, исчез. Должно быть, живёт не сладко.

Чжэн Кэ скривился:

— Такому человеку самое место в аду.

Он редко ругался — сказывалось воспитание.

Се Цюци усмехнулся:

— Молодой господин, запомни: если кто-то скажет тебе, что он плох ко всем, кроме тебя, — гони его в шею. Таких, скорее всего, не бывает. Если человек искренен с другими, он будет искренен и с тобой. Если переживает за других — будет переживать и за тебя. Разве что ты ему отец или мать — тогда его забота естественна.

Чжэн Кэ потупился:

— Прости, я не хотел лезть в твои дела.

Се Цюци покачал головой:

— Молодость... Все мы в ней глупы.

— Я не считаю это глупостью, — возразил Чжэн Кэ. — Вне зависимости от того, стоил ли тот человек любви, сам факт, что ты его любил, — не глупо. Это прекрасно. Любить кого-то — уже прекрасно. А хорош ли этот человек — его проблема. Это он обманул, это он виноват. Не ты был легковерным — ты просто предпочитал верить в лучшее.

Он с завистью подумал: как же повезло тому, кого полюбил такой человек, как Се Цюци. Сам Чжэн Кэ был лишь обузой, доставшейся от прежнего хозяина, а Се Цюци ради него отказался от побега. Будь он возлюбленным Се Цюци, тот, наверное, и впрямь пошёл бы на безумства.

Раньше Чжэн Кэ считал, что таким, как Се Цюци, любовь не нужна. Он слишком силён, слишком независим — будто может в одиночку нести весь мир. Что-то мягкое, вроде любви, казалось с ним несовместимым. Да и никогда Се Цюци не заговаривал о мужчинах или женщинах, так что постепенно Чжэн Кэ перестал связывать его с подобными темами.

Оказывается, Се Цюци тоже способен любить. Он может нежно улыбаться, обнимать, целовать,

быть страстным. Может бескорыстно делать добро, верить словам другого, строить общее будущее.

Чжэн Кэ всё больше воодушевлялся. Он схватил Се Цюци за руку:

— Не волнуйся! Я... я, конечно, не так силён, как ты, но я научусь! Если ты будешь меня учить. Я постараюсь стать таким же, и тогда у тебя появится ещё один помощник.

Се Цюци не требовал от него многого:

— Ты слишком меня ценишь, молодой господин. Просто делай, что должен.

— Не называй меня молодым господином! — вспыхнул Чжэн Кэ. — Я уже не ребёнок, я тоже могу быть полезен!

Се Цюци усмехнулся и погладил его по голове.

Чжэн Кэ решил, что его снова успокаивают, но услышал:

— Хорошо. Я верю в тебя.

Эти слова были искренними. Се Цюци изначально думал, что Чжэн Кэ не продержится здесь и трёх дней. Всё-таки изнеженный барин, которого вдруг продали в такое место — три дня были бы достижением. Но Чжэн Кэ молча вытерпел всё до сих пор, и Се Цюци понял: парень неплох, может терпеть трудности, не ноет о судьбе.

Он видел в Чжэн Кэ потенциал, поэтому и поддерживал его. Завещание Дуань Ли было одной причиной, но и сам Чжэн Кэ старался. Если тот действительно вырастет, все эти муки будут не напрасны.

Примечание автора:

Молодой господин и Цюци стали лучше понимать друг друга.

P.S.: Забыл сказать, фамилия Мваку не выдумана — в Анголе действительно есть такая фамилия, и она принадлежала одному королю.

— Как ты собираешься убедить Олу Мваку? — спросил Чжэн Кэ.

Се Цюци раздражённо вздохнул. Он крайне не хотел вмешиваться в чужие дела, особенно в такие запутанные отношения:

— У неё есть ребёнок. Она должна думать о его будущем. У Командира условия лучше, это пойдёт ребёнку на пользу. Нельзя же всю жизнь работать в молочной лавке — поступить в университет правильный путь.

— Если бы она так думала, уже давно бы уступила. Раз не сделала — у неё другие соображения.

— О чём ты?

— Возможно, этот ребёнок — её козырь.

Се Цюци нахмурился, уже предвидя, к чему клонит Чжэн Кэ.

Тот объяснил:

— Почему Ола все эти годы сохраняла независимость? Разве только потому, что не хотела возвращаться? А Командир разве позволил бы ей просто так уйти, услышав отказ? Он хитёр и изворотлив. Если ребёнок окажется в его руках, он использует его, чтобы заставить Олу вернуться. Материнское сердце — самое уязвимое место. Ради ребёнка она пойдёт на уступки, какие бы чувства ни испытывала.

Так что попытка уговорить Олу, апеллируя к благополучию ребёнка, обречена.

Это не обычная семейная пара. Между ними — огромные богатства и власть, и конфликт их — не бытовая ссора. Чжэн Кэ, выросший в богатой семье, понимал такие нюансы лучше Се Цюци:

— Взять мою мать. Два диплома Нью-Йоркского университета, актуарий, менеджер по рискам на Уолл-стрит, в молодости — независимая и свободная. Но после моего рождения, когда детей стало двое, бабушка заставила её уволиться и сидеть дома. Мама отчаянно сопротивлялась. В итоге, чтобы она сдалась, отец отдал ей управление домом, акциями, фондами... даже зарплатной картой.

Женщине, чтобы сохранить независимость, часто приходится платить куда большую цену, чем мужчине. Дети, семейные обязанности — всё это становится бременем.

Но если посмотреть иначе: раз уж нужно, чтобы Ола уступила, то похищение ребёнка и передача его Командиру — тоже вариант. В конце концов, не так уж важно, вернётся ли она добровольно.

Се Цюци инстинктивно отверг эту мысль. Он испытывал к Оле уважение — женщина с характером редкость, и он не хотел видеть, как она сломается. Да и ребёнок здесь ни при чём.

На такую подлость он не был способен.

Мысль Чжэн Кэ пошла другим путём:

— Война сделала Командира богачом. Из голодранца он превратился в местного царька, и всё, что у него есть, по сути, принадлежало семье Мваку. Ола, выходит, влюбилась в грабителя, разорившего её дом, забравшего деньги и власть. Конечно, в ней есть обида. Чтобы она сменила гнев на милость, нужно вернуть ей власть и козыри. Иначе она не почувствует себя в безопасности.

— Командир никогда не отдаст ей козыри. Он с таким трудом завоевал всё это...

— А зачем, чтобы именно он отдавал?

Се Цюци замер.

Чжэн Кэ изменил выражение лица, понизив голос:

— Ей нужны шахты и деньги. А кто их даст — какая разница? Мы тоже можем их дать. — Он сделал паузу. — Мы захватим этот шахтный район и подарим Оле в качестве подарка. А она достанет нам два билета на корабль, чтобы мы уехали. Для неё это выгодная сделка, верно?

— Ты хочешь поднять восстание? Если Командир узнает, что потерял шахты, он никогда не позволит нам уйти.

— К тому времени, как он узнает, мы уже будем на корабле.

— После восстания они с Командиром точно не помирятся.

— Продолжая жить как сейчас, они тоже не помирятся. Оба недовольны текущим положением. Только изменив его, они получают шанс пересмотреть отношения.

Не дав Оле чего-то реального, её не склонишь. Командир же добровольно властью не поделится. Остаётся только помочь ей отобрать её. Когда восстание удастся и Командир увидит, что дело сделано, он, возможно, пойдёт на уступки.

Теперь ключевой вопрос только один:

Насколько велики амбиции Олы Мваку?

Все эти рассуждения были лишь догадками Се Цюци и Чжэн Кэ. Были ли у Олы такие амбиции — неизвестно. Восстание — не шутки. Если Ола не готова рискнуть или не настолько жадна, это тупик. Ещё хуже, если она донесёт Командиру — тогда судьба Се Цюци и Чжэн Кэ будет печальной.

Это была азартная игра. Ставка в ней — амбиции Олы Мваку.

<http://bllate.org/book/15957/1426815>